

«ЦАРЬ НАШ ПЁТР АЛЕКСЕЕВИЧ СВОЮ ЦАРИЦУ ПОСТРИГ, А ЖИВЕТ БЛУДНО С НЕМКАМИ...»: ГЕНДЕРНЫЙ ОБЛИК ПЕТРА I В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

В сравнительно-историческом ключе с привлечением архивных источников рассматривается отношение подданных к таким особенностям личной жизни Петра I, как развод с первой женой Евдокией, брак с женщиной низкого происхождения – Екатериной, наличие внебрачных связей и т.п.

Ключевые слова: монархия; гендер; процесс цивилизации.

Пётр I в нашей истории имеет устойчивый образ (во многом справедливый) сотрясателя устоев в политической, социальной, идеологической, культурной областях. Не менее «скандальный» характер имеет и его репутация в личной жизни. Здесь, по крайней мере, три момента вызвали нарекания или даже негодование подданных: насильственный развод с первой женой – царицей Евдокией, женитьба на полонянке и портомое Екатерине, а также обилие внебрачных сексуальных связей.

Пётр не был привязан к Евдокии, брак с которой был инспирирован его матерью Натальей Кирилловной в политических и воспитательных целях – дабы закрепить за сыном права на престол путем рождения наследника (что было важно при наличии старшего брата Ивана, к тому времени уже женатого, и в свете предстоявшей борьбы с правительницей царевной Софьей), а также чтобы «остепенить» пристрастившегося к потехам юного царя. И здесь важно учитывать социокультурную специфику. Для Европы преобладание государственного интереса при заключении монарших браков являлось нормой. Европейские монархи нового времени выбирали в качестве жен иностранных принцесс, и всю жизнь за спиной королевы стояла серьезная внешнеполитическая сила, для умиротворения которой, как правило, и заключались такие браки. Так, например, Людовик XIV был оженен точно так же, как и Пётр, без учета его воли на испанской инфанте Марии-Терезии, хотя до самой свадьбы встречался с Марией Манчини, племянницей кардинала Мазарини, которую вскоре после свадьбы короля не без помощи новой королевы выдали замуж. Самому Людовику больше понравилась другая кандидатка – Маргарита Савойская, но его мнение не было учтено [1. С. 98]. Дело в том, что наличие значительного числа соперничающих агентов социального поля в каждой стране и большая плотность относительно равновеликих государственных образований в европейском геополитическом пространстве привели к тому, что королевский брак чаще всего представлял собой политический союз равных сторон (следили именно за тем, чтобы партия была взаимовыгодной в смысле высокого статуса). Это приводило к более «цивилизованным», хотя часто далеким от настоящей теплоты отношениям в семье правителя.

Отличия русской брачной традиции от европейской объясняет нам, почему только Пётр из всех его «коллег» того времени позволил себе насильственным образом расторгнуть навязанный ему брак. Помимо личностных качеств неуравновешенного и жесткого царя-преобразователя, это было связано с тем, что женитьба российского царя являлась делом внутригосударственным. Иван III последним был женат на иноземной

принцессе – Софье Палеолог, да и та представляла уже не существовавшее государство; в дальнейшем же принято было выбирать царскую невесту среди дворянских родов далеко не высшего ранга (исключение составляет лишь вторая жена Грозного – кабардинская княжна Мария Темрюковна, однако, безусловно, и здесь речь не идет о равнородном браке). Расторгнуть брачные узы можно было без особых осложнений, так как жена государя и ее родственники были в полной его власти. Характерный пример отличия европейской традиции – судьба брака саксонского курфюрста и в дальнейшем польского короля Августа Сильного: его жена сама оставила его, когда он перешел в католичество [2. С. 371–372].

Однако обратной стороной авторитарности в случае российских монархов являлась большая возможность проявления эмоциональности при заключении браков: царские невесты выбирались самим государем из довольно большого количества претенденток в ходе смотрин, иногда занимавших не один месяц. Так что второй брак Петра с Екатериной (при всей его эпатажности), основанный на любви и привязанности, имел свои основания в русской традиции. (Между прочим, Федор Алексеевич, старший брат Петра, приметил свою первую жену Агафью Грушецкую в толпе во время крестного хода. Она не отличалась знатным происхождением, более того, была полькой [3. С. 41].) Конечно, проблема со вторым браком Петра все-таки была. Н.Л. Пушкарева отмечает, что общество допетровской России могло мириться с адюльтером, внебрачным сожительством, даже с социально-неравными и побочными семьями (это подтверждается источниками), но не с официальной регистрацией мезальянсов [4. С. 28]. Тем более что в данном случае речь шла о царе – не только человеке, но и политическом институте с яркой сакрализованной окраской, отвечавшем за благополучие своих подданных, соблюдая определенные нормы и ритуалы. Так что не удивительно, что оба поступка Петра – развод с Евдокией и женитьба на пленной иностранке – вызывали неудовольствие россиян. Следует отметить, что после Петра такие ситуации не повторялись, так как именно в результате его преобразований в России сформировалась традиция междинастических, обусловленных внешнеполитическими целями браков в «западном стиле», так что второй брак Петра – очередной маркер переходной эпохи, времени экспериментов, проделываемых великой личностью в ходе сознательного и бессознательного конструирования своей и общегосударственной идентичности.

Можно попытаться хотя бы отчасти объяснить поступок царя-реформатора. Как разъясняет К. Хорни, у

невротиков, каковым, несомненно, являлся Пётр, при выборе партнера решающим оказывается дух соперничества, так как его отношения с другими людьми, включая и противоположный пол, слишком нарушены, чтобы позволить сделать адекватный выбор [5. С. 158]. В таком случае мужчину сексуально влечет лишь к женщинам, стоящим ниже его по положению [5. С. 153]. Конечно, все жены русских царей до Петра также и близко не стояли по социальному статусу к царскому роду, однако не надо забывать, что в отношении членов своей семьи (старшей дочери Анны, племянниц Анны и Екатерины и сына Алексея Петровича), он избрал европейскую версию брака, когда супругов подбирали из княжеских германских родов. Наверняка и сам государь мог бы подыскать себе невесту такого же ранга, но даже и не думал об этом. То есть речь идет о бессознательном самоутверждении как средстве борьбы с неуверенностью в себе (сопровождая царя-реформатора всю его жизнь как следствие детских психологических травм и преобразовательной деятельности, разрушавшей традиции). Недаром один из известных барельефов петровского времени изображает Петра в качестве Пигмалиона, ваяющего Галатею-Россию, которой придано сходство с Екатериной [6. С. 26–43]. То есть возведение супруги «из грязи» на вершину почестей подпитывало самохаризму царя-Демидурга [7].

Анализ отношений с женами не дает нам всей полноты картины гендерного образа царя-реформатора. Пётр знаменит обилием внебрачных связей. Доктор Арескин, лейб-медик царя, по сообщению Ф. Вильбуа, говорил, что в теле его величества находится, видимо, целый легион демонов сладострастия [8. С. 204]. Замечательную по простодушию зарисовку этой черты царя-реформатора дает токарь А. Нартов, его однозначный почитатель (отчего его свидетельство особенно ценно и может считаться вполне достоверным): «При всех трудах и заботах государственных государь иногда любил побеседовать и с красавицею, только не более получаса. Правда, любил его величество женский пол, однако ж страстью ни к какой женщине не прилеплялся и утушал любовный пламень скоро, говоря: “Солдату утопать в роскоши не надлежит; забывать службу ради женщины непростительно. Быть пленником любовницы хуже, нежели быть пленником на войне: у неприятеля скорая может быть свобода, а у женщины оковы долговременны”. Он употреблял ту, которая ему встретилась и нравилась, но всегда с согласия ее и без принуждения. Впрочем, имел такие молодецкие ухватки и так приятно умел обходиться с женским полом, что редкая отказать бы ему могла. Видали мы сие не токмо дома, но и в чужих государствах, а особливо в Польше, когда он на такую охоту с Августом ездил» [9. С. 123]. Помимо многочисленных безвестных метресс, история сохранила имена некоторых возлюбленных царя-реформатора. Среди них фрейлина Мария Гамильтон, княжна Мария Кантемир, генеральша Чернышева и др.

Сексуальная неводержанность, по мнению К. Хорни, является одним из признаков невротизма. Но единственное ли это объяснение? Обращение к сравнительному контексту показывает, что наличие любовниц,

причем открытое и даже временами демонстративное, – явление вполне обычное для личной жизни европейских монархов того времени. Так, большим любителем женщин являлся саксонский курфюрст и польский король Август II Сильный. Достаточно сказать, что у него было 354 побочных отпрыска (и совсем уж вопиющим фактом являлись его интимные отношения с собственной дочерью – графиней Ожельска) [10. С. 372]. Значительное количество любовниц (точное количество которых до сих пор неизвестно) имел Людовик XIV. С одной из них, мадам де Ментенон, он даже сочетался браком, хотя, в отличие от Петра, и морганатическим. Даже аскетичный Вильгельм III Оранский, став английским королем, завел себе любовницу – Элизабет Вильерс [2. С. 316].

Фактически, речь шла о некоем почти обязательном атрибуте монаршей власти (хотя, безусловно были и исключения, как например прусский король Фридрих Вильгельм I, примерный семьянин). Как замечательно показывает французский материал, общественное мнение относилось к внебрачным увлечениям своих государей как к свидетельству «доброего здоровья своего государя, который тем самым доказывал свою молодость и силу» [11. С. 27]. Французское духовенство относилось к этой королевской «полигамии» с осуждением, но выражало его в мягкой форме, как и сам римский папа, преследуя свои чисто политические интересы. Двор и политики искали в этой ситуации свою выгоду [11. С. 27]. В России при Петре мы можем увидеть сходную ситуацию. Реального противодействия «непристойное» поведение царя-реформатора не встречало, даже со стороны церкви. Его сподвижники из соображений собственной выгоды терпимо относились к его «забавам», тем более что сами часто перенимали такие вкусы и привычки. Примеров немало. Так, видя, что закон запрещает князю Н.И. Репнину вступить в четвертый брак, Пётр разрешил ему иметь любовницу. Князь И.Ю. Трубецкой, попавший в плен к шведам, завел любовницу в Стокгольме, уверив ее, что вдов [12. С. 29]. П.А. Толстой разъехался с женой С.Т. Дубровской и открыто содержал любовницу, «некую итальянскую куртизанку по имени Лаура, женщину очень умную, большую интриганку, стяжавшую своим легким поведением некоторую известность в Риме и Венеции» [13. С. 261].

Однако простой народ, наслышанный о похождениях государя, высказывал свое негативное отношение к его любвеобильности. В бумагах Преображенского приказа среди дел об оскорблении величества попадают и такие, где в негативной форме преподносится именно личная жизнь Петра, которая ставилась в ряды наиболее неприемлемых черт царя-реформатора. В 1701 г. безместный поп («распопа») Никифор Плехановский донес на Данилу Кузьмина, крестьянина сержанта первого выборного полка Алексея Сизова, который говорил «непристойные слова», приписывающие царю криминальные последствия его «блудодеяний». Кузьмин, по словам Плехановского, сказал: «Царь наш Пётр Алексеевич свою царицу постриг, а живет блудно с немками куды де он поедет, а немки берет с собою, и на Воронеже одна немка девка от его блудного насилия умерла» [14. Л. 1]. В качестве свидетелей «распопа»

называл дворянина Григория Иванова сына Исекеева и торгового человека Ивашку Агапова, которые якобы слышали те же речи и от данилкова помещика [14. Л. 1]. Дело тянулось долго, было привлечено большое количество людей в качестве свидетелей или обвиняемых, большинство из которых неоднократно подвергались пытке. Данило Кузьмин и Григорий Исикеев «в Преображенском приказе закараулы заболели и от болезни померли» [14. Л. 32] (при тогдашней неспешной практике судопроизводства исход распространенный). К сожалению, как часто бывает, решения по делу не сохранилось.

Иногда назывались и конкретные имена объектов царственной похоти. В 1701–1702 гг. курчанин Автоном Пушечников извещал на своего свойственника Михаила Букреева. Когда однажды Пушечников приезжал к Букрееву, у того обедал курчанин Григорий Парахин. При нем Михайло рассказал следующее: «Жил де у меня в доме в моровое поветрие из Курска полковник Балтазар и сказывал, Государь де жену его блудил. И дал за то две бади масла коровия, да две бади меду, да за то де он, Государь, пожаловал ево, Балтазара, в Курск в полковники» [15. Л. 2]. На допросе Букреев настаивал, что блудником назвал царя спьяна, потому что жил у него в прошлые годы полковник Балтазар Емельянов сын Делозер «и живучи говорил ему, Михайлу, вера де ваша добра, толко де непостоянно, государь ходит по немкам, и их блудит, а х кому имяны к немкам для блуднаго дела ходит, тово имянно невыговорил» [15. Л. 5–6]. А слов о том, что государь его жену блудил, и про награду за это тот ничего не говорил, так что Автоном Пушечников то слово «затевавал напрасно» [15. Л. 6]. Сделали очную ставку. Пушечников стоял на своем. Букреев утверждал, что про блуд с Балтазаровой женой не говорил, а про бади в качестве царева жалования сказал, так как когда он приезжал в Москву к Балтазару в Немецкую слободу, тот сам ему их показывал и говорил, что даны они ему в царево жалование [15. Л. 7]. Букреева велено «за те непристойные слова» бить кнутом, запятнать пятном и сослать в сибирские города (однако он, «сидя за караулом, умре») [15. Л. 10].

Интересно, что за некоторые слова касательно «чести государевой» резали язык, а здесь дело кончилось только кнутом да клеймением. Не есть ли это косвенное признание справедливости «непристойных слов», когда наказание следовало лишь за болтливость? Такое предположение возникает еще и потому, что по этому делу не привлекался самый важный фигурант – полковник де Лозьер (француз Балтазар Емельянович де Лозьер приехал в Россию в 1687–1688 гг. из Персии, служил в Белгородском и Курском полках. Полковником выборного полка Лефорты числился уже во время первого Азовского похода) [16. С. 274]. А ведь большинство следствий Преображенского приказа, начатых по «государеву слову и делу», проводили крайне до тошно, когда на допрос или даже к пытке приводились все родственники или даже соседи и знакомые обвиняемых и изветчиков, а также объявляли «всероссийский» розыск любых названных лиц (тем более что Букреев привел весьма нелицеприятное высказывание полковника в адрес государя).

Однако некоторые данные наталкивают на противоположную мысль: скорее Пётр стремился смягчить представление о своем любострастии, почему и не были допрошены лица, могущие подтвердить сказанное обвиняемыми, что будет зафиксировано документально. Сдается, что царь стеснялся этой стороны своей жизни или, по крайней мере, ее публичного обсуждения. Об этом свидетельствуют следующие эпизоды. В ходе следствия по делу царевича Алексея состоялся допрос князя Михаила Долгорукого, на котором ему в том числе был задан вопрос, восхваливший к утверждению Ивана Афанасьева (камердинера царевича) о причастности Долгорукого к распространению слухов, будто у царя Петра есть любовница в Европе. Князь Михаил отвечал, что про историю с любовницей ничего не знал ни тогда, ни потом [17. С. 413]. В такой и без того сложной ситуации этот пристрастный вопрос кажется неуместным.

Более обстоятельную историю рассказывает первый министр саксонского курфюрста и польский генерал-фельдмаршал Я.-Г. Флемминг в письме из Копенгагена от 14 августа 1716 г. к барону фон Мантейфлю, кабинет-министру при прусском дворе. Речь идет о нескольких стычках между датским королем и Петром и в том числе о таком разговоре: «Однажды, когда царь был на обеде у короля датскаго, на котором пили более обыкновеннаго, последний, желая пошутить, сказал: “А братец, я слышал, что у вас также есть любовница”. Царь, *находя подобную шутку далеко не в своем вкусе* (выделено мной. – О.М.), возразил: “Братец, мои фаворитки мне стоят не дорого, ваши же публичные женщины стоят вам тысячи талеров, которые вы могли бы употребить гораздо лучше”» [18. С. 62]. Здесь же Флемминг намекает на какое-то ставшее известным приключение Петра: «Действительно, что-то было в Гамбурге... но это не имело никаких последствий, и уверяют даже, будто царь не думает более о том и *не может даже терпеть, когда ему напоминают это* (выделено мной. – О.М.)» [18. С. 63]. В этом-то и разница между более «цивилизованной» Европой, где адюльтер со времен Возрождения не только стал принятым атрибутом придворной культуры, но и приобрел характер выстроенный и выдержанный, как своего рода часть ритуала, тогда как Пётр был и в этой сфере новатором, нарушителем устоев, так что в его психике его же собственное поведение по возможности репрессировалось: не будучи в состоянии ограничить свои психофизические склонности, гипертрофия которых стала результатом деформации процесса становления идентичности будущего реформатора в ситуации свободы выбора, он стыдился их и, в отличие от «цивилизованного» Людовика XIV или датского короля Фредерика IV, избегал афиширования, не умея канализировать его в безболезненное русло и найти примирение со своим «супер-эго», олицетворявшим единую нефиксированную установку (по терминологии Д. Узнадзе). Кстати, Король-Солнце в «Мемуарах» также считал свою связь с одной из любовниц – Луизой Лавальер – предосудительной, так как она подавала дурной пример подданным, а король должен во всем быть образцом, однако ни эта, ни другие его связи не скрывались от общест-венности [1. С. 307].

Конечно, следует учитывать, что часть доносов в Преображенский приказ на эту тему (как и на иные) была ложной. Так, в 1710 г. Переяславского уезда Рязанского поместья деревни Елисея Яковлева Обретина крестьянин Астафий Васильев в Военном приказе сказал за собой государево слово. В Преображенском приказе он показал, что в бытность свою в великий пост на Москве со стрелецким хлебом стоял он в Мещанской слободе на фатере у капрала Преображенского полка Романа Мельгунова. Там жил и человек его, Романа, Дмитрий Исаев. Да у него же, Романа, стоял Иван Дементьев сын Мельгунов. И как-то «в сумерки» Исаев молвил, что он согрешил, и за те его грехи ныне его помещик бьет. Иван спросил, чем он согрешил. Исаев пояснил, что будучи на службе, а где – не сказал, «приваживал он капитану Семену Иванову сыну Салтыкову баб для блудного воровства» [19. Л. 3]. Тогда Иван заявил, что «Борис Петрович (Шереметев. – *О.М.*) идучи в поход под Астрахань вез с собою четырех» [19. Л. 3]. Тогда Исаев добавил: «И светлейший де князь чем пожалован, естли не тем, что великий государь живет блудно с женою ево и сестрами» [19. Л. 3]. Астафий спросил, откуда он об этом знает? Дмитрий рассказал, что «был де он в полках, у государя умерла сабака швецкая и обшита была та сабака сукном, и он, государь, и светлейший князь с женою шли той сабаки смотреть. И в то время светлейшаго князя жена шла з государем и светлейшим князем в одной рубашке» [19. Л. 3–4]. Кроме того, Дмитрий слышал о том от солдата, но не назвал имени и полка [19. Л. 3–4]. Окончания дела нет, при этом в описи сделан вывод о ложном извете.

Однако в любом случае показательны само появление таких высказываний и их повторяемость, проговаривавшаяся если не о конкретных фактах, то в целом о распутном образе жизни царя и его ближайшего окружения. Кстати, мотив совместных «похождений» царя с Меншиковым повторяется. В росписи колодников за 1709–1710 гг. находится запись о деле по извету беглого драгуна Логина Щербакова на крестьянина Костромского уезда Кондратия Броса. Щербаков доносил, что когда он был в бегах в Костромском уезде в поместье вдовы Дарьи Ступишиной и на дворе крестьянина Кондратия Броса делал ворота, то означенный Кондратий при сыне своем Тимофее и при жене говорил: «Какой де он царь, он де ветреной, с Меншиковым дочерми снялся, а царицу государыню в ссылку сослал; чтоб де ему швецкие сабли не миновать, меня де с сыном разлучил, взял в салдаты» [20. Л. 1]. Окончания дела нет.

Если извет был правдивым, мы сталкиваемся с распространенным в те времена «переходом на личность» царя из-за вполне конкретных обид – взятия в солдаты сына, сгинувшего на службе. Ясно, что реальными подробностями авторы их не владели (дочери Петра Анна и Лисавет в это время еще были почти в младенческом возрасте, у Меншикова тогда еще вообще дочерей не было).

И все же некие реальные факты в основе народных толков, скорей всего, были. У нас есть свидетельство иного происхождения о совместном распутстве Петра и светлейшего. Когда в 1707 г. царь узнал об отношениях своей возлюбленной Анны Монс с прусским посланником Георгом-Иоганном фон Кайзерлингом и посадил

ее под домашний арест, дипломат, решившийся ходатайствовать за нее, нарвался на скандал, подробно описанный им в донесениях своему монарху. Сначала Пётр заявил, по словам Кайзерлинга, «что он воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною (т.е. Кайзерлингом. – *О.М.*) прельщена и развращена, то он ни о ней, ни о ея родственниках ничего ни слышать, ни знать не хочет» [21. С. 806]. Когда посланник стал настаивать, вмешался Меншиков и заявил, «что девица Монс действительно подлая, публичная женщина, с которой он сам развратничал столько же, сколько и я» [21. С. 806]. При всей обиде оскорбленного посланника, в результате этого разговора вытолканного взащей караульными, вряд ли он посмел бы в дипломатической переписке с королем допускать большую долю фантазии, так как рассчитывал на заступничество с его стороны, то есть мог ожидать огласки своих слов. И если все сообщенное им верно, то и Меншиков, при всей привязанности к нему Петра, даже стремясь с его подачи оскорбить неверную царскую возлюбленную, едва ли позволил бы себе совершенную выдумку. Стоит вспомнить и о том, что до того, как стать царской любовницей, а далее и царицей, и Екатерина была наложницей Меншикова, что Петра, видимо, не смущало. Так что происхождение вышеозначенных слухов вполне понятно.

Интересно, что, помимо осуждения, в народе пытались дать объяснение несправедному поведению Петра и иногда даже оправдать его, свалив все, как тогда (да и не только тогда) было принято в России, на иностранцев. В 1701 г. муромец посадский человек Иван Мяздриков извещал в «непристойных словах» о царе на стремянного конюха Михайлу Васильева Воронина. На допросе Воронин рассказал, что когда был у вологодских помещиков Кирилла Семенова сына Полуехтова и сына его Ивана, чтобы взять денег за зайцев и лисиц, Кирилл сказал, что сын только что с Москвы и привез нехорошие вести. Потом он позвал Ивана, и тот рассказал, что на Москве говорят, будто «государь ехал из Немецкой слободы, и его, государя, зашибла лошадь, и от того заскорбел, а немцы де велели ему с царицею розвестись на пять лет» [22. Л. 174]. После пытки Иван Полуехтов признался, что те слова слышал от разрядного подьячего Пересвета Мохова. Того стали искать, однако выяснилось, что Пересвет пропал «безвестно в Свейском походе», служа в полку фельдмаршала и адмирала Федора Алексеевича Головина [22. Л. 196]. Решения нет.

Напомню, что в 1701 г. со времени заточения царицы Евдокии в монастырь прошло около трех лет, так что такая версия демонстрировала сохранение в народе некоторых надежд на то, что все еще может «утрастись». Характерно и то, что сама идея временного развода с женой как средства излечения от хвори удивления не вызывала и принималась как «прямое дело», что неудивительно в обществе, пронизанном верой в колдовство и ворожбу.

Но, пожалуй, самую интересную трактовку можно обнаружить в деле 1700 г., перенесенном из Иноземского приказа в Стрелецкий и продолженном в Преображенском, по извету крестьянина Рождественского Владимирского монастыря Ивана Черноткина на кре-

стьянина монастырской деревни Угримовой Осипа Хромононого. Черноткин извещал, что когда сидел по приказу архимандрита за караулом, Хромоногов говорил ему наедине: «Как де Великий Государь пошел под Азов, и с того году хлеб не родитца, а ныне де государь царицу сослал в Суздаль, мочно де ему, Государю, женитца и на семи, только б де от него, Государя, отрод был» [23. Л. 86]. На допросах Осип запирался, признал лишь, что говорил в разговоре с Ивашкой, что «от старых людей слышал, мочно де Государю женитца и на семи, а болши того никаких слов с тем Ивашкою он неговаривал» [23. Л. 90–91]. После нескольких пыток каждый остался при своем. Обоих было приказано сослать на вечное житье: Ивашку – в Сибирь на пашню, а Оську – в Соловецкий монастырь, «а буде пожелает постричься, и постричь» [23. Л. 92–93].

Здесь явственно проглядывает глубокий архаический пласт народного сознания, в котором (и это хорошо прослеживается в большинстве культур не только на первобытной, но и на традиционной стадии, как наглядно показал Дж. Фрэйзер) главной задачей правителя являлось обеспечение материального благополучия подданных, а проще говоря – плодородия и воспроизводства [24]. При сохранении таких воззрений может быть понятна и довольно сдержанная реакция общества на распутное поведение царя. Это роднит гендерную ситуацию в петровской России с современной ей европейской, где, как отмечалось выше на французском примере, обилие сексуальных связей короля воспринималось как знак процветания. Однако если в Европе такие воззрения давно стали частью единой нефиксированной установки (сочетаясь с реминисценциями античной, более свободной, нежели христианская, традиции и раскрепощенными придворными нравами), то в России они скорее свидетельствовали об актуализации архаики в переходной ситуации, характеризовавшейся расшатыванием устоев и расширением вариативности норм (напомню, согласно православным канонам законными признавались только три брака). Не что подобное происходило в эпоху Ивана Грозного с его семьей (интересное совпадение!) женами.

Кстати, сравнение с Иваном IV выпукло показывает значительные изменения в сторону европеизации в петровскую эпоху и большую рациональность царь-реформатора, в отличие от его грозного предшественника. Даже если принять на веру хвастливые заявления Ивана о растлении им тысячи дев, показательным является то, что с самых юных лет (Иван впервые вступил в брак в семнадцать лет, как и Петр) он оставался женатым, пусть количество его жен и перевалило за максимально допустимую в тогдашнем обществе норму. Противоречия, причем гораздо более крайнего характера, чем у Петра, проявились в гендерной сфере не менее ярко, чем в других областях жизни Грозного. Если состояние в браке как таковое считалось необходимым качеством монарха в любой стране (по крайней мере для мужчины), так как способствовало преемственности власти и, соответственно, благополучию общества, то российская традиция, характеризовавшаяся повышенной сакральностью облика царя и почти полным отсутствием античной прививки, ограничивала сексуальность государя исключительно брачными рам-

ками (в отличие от гораздо более «раскрепощенной» Западной Европы с его официальным институтом королевских любовниц). Соответственно, обладая неустойчивой психикой и не имея, как «положено» невротикой, способности к прочной привязанности (и в то же время, в силу базового недоверия, испытывая потребность к ней), Иван меняет жен (то, что сегодня называется серийной моногамией), одновременно, из-за ослабления запретов, связанного с переходностью эпохи, практикуя насилие (даже если не верить цифре «тысяча», сами факты, видимо, имели место) [25. Гл. 4]. Пётр, как уже отмечалось, вступал в связи с женщинами лишь с их согласия, хотя по-прежнему испытывал психологический дискомфорт при обнарождении своих походов. Так что в его случае речь идет о переходном состоянии гендерного кода российской властной элиты.

Есть еще один вопрос, решить который окончательно по причине смутности свидетельств нельзя, но без его упоминания картина гендерного облика Петра будет неполной. Есть версия, что помимо большого числа женщин царь-реформатор имел интимные отношения и с мужчинами, хотя сведения об этом крайне отрывочны. Исследователи, как правило, обходят эту проблему стороной. Так, Е.В. Анисимов, говоря о пристрастии Петра к женщинам, вскользь упоминает, что, по некоторым данным, он был охоч и до мужчин, однако никак это не комментирует [26. С. 30]. Ни до революции, ни в советское время по вполне понятным причинам эта тема не могла стать объектом специального рассмотрения. Посмотрим на материал, имеющийся в нашем распоряжении. Ф. Вильбуа утверждал, что Пётр «был подвержен, если так можно выразиться, приступам любовной ярости, во время которых не разбирая полов» (цит. по: [27. С. 159–160]). Польский посланник Лефорт, встречавшийся с царем в Риге в апреле 1721 г., пишет: «Здоровье Царя с каждым днем все хуже и хуже, одышка очень его беспокоит. Полагают, что у него внутренний нарыв, который по временам открывается, и я слышал, что его последняя боль в горле была от материи, текшей из нарыва; сверх того он нисколько не бережется». При этом окружающие «заметили, что один из безобразных пажей этого героя имел счастье заболеть в одно время с Государем, вероятно, оттого, что видел его больным» [28. С. 332]. С.В. Ефимов видит в этом отрывке намек на связь Петра с его пажем [28. С. 159].

В народе также ходили подобные слухи, отразившиеся в следственных делах того времени. В различных фондах РГАДА хранится несколько судебных дел, фигуранты которых приписывали Петру гомосексуальную связь, причем назывался и конкретный объект противоестественной склонности царя – А.Д. Меншиков. Так, в 1698 г. гость Гаврила Романов обвинялся в хулении государя. Согласно извету тяглица Панкратьевской слободы Фадейки Федотова сына Золотарева, бывшего у него в гостях на Сырной неделе, Романов заявил: «К Алексашке Меншикову Государева милость такова что никому такова». Благочестивый Фадейко предположил, что причина тому – Божья помощь: «...Молитва ево (Меншикова. – *О.М.*) о том к Богу что он Государь к нему милостив». На это гость возразил:

«Тут де Бога и не было, черт де ево (Петра. – *О.М.*) с ним снес, живет с ним блудно и держит ево у себя на постеле, что жонку» [29. Л. 1–2].

Дело оказалось путаным. Будучи арестован, Романов отрицал все обвинения, заявляя, что Золотарев клевет его напрасно, так как четыре – пять лет назад взял у него в долг коробку золота китайского на сумму 110 рублей, за что дал на себя заемную кабалу, где вместо поруки написан был его московской двор, и до сего дня долг Фадейка не вернул. За это время бесчестный заемщик неоднократно присылал к Романову различных лиц, которые уговорами, а иногда и угрозами пытались заполучить ту самую кабалу, но безуспешно. Золотарев вынужден был в том сознаться [29. Л. 9–11]. Концовка дела почти анекдотичная. Романов попытался вернуть себе свободу, подкупив не кого иного, как Меншикова, для чего послал к нему внука Кирюшку Степанова и своего человека Данилку Максимова, а при них бочонок с деньгами. В доме «Александра» их застал сам царь, который велел отвести обоих в приказ. Романов подтвердил, что хотел бить челом Меншикову, потому что «гораздо болен и исповедовался и причащен и маслом освещен и чтоб ему умереть дома а не за караулом» [29. Л. 18–19]. Остается не ясным, то ли все крамольные слова высказаны Золотаревым, желавшим избавиться от кабальной зависимости, то ли гость действительно был столь несдержан на язык (но тогда он, надеявшийся после такого обвинения на помощь Алексашки, предстает глупцом или завзятым циником), выяснить это из дела невозможно, так как вскоре Гаврило Романов умер [29. Л. 19]. Для нас же важен сам факт появившейся в народе информации о связи Петра с Меншиковым. Тем более что приведенное дело не единственное.

В 1703 г. сидевшие в Вологде в ссыльной тюрьме Григорий Иванов Нелединский и человек гостиной сотни Евстрата Иванова сына Носова Ивашка Степанов сын Колмык донесли на ссыльного солдата Преображенского полка Ивана Иванова сына Рокотова. В устном извете они утверждали, что несколько лет назад в ссыльной тюрьме Рокотов пришел в угол, где спали Гришка с Ивашкой, и сказал, что он слышал от ссыльного же Никитки Селиверстова, человека солдатских полков капитана Михайлы Феоктистова, непристойные слова: «Какой де он царь, он де не царь, самозванец, и живет с Алексашкою Меншиковым блудно, для того де ево и жалует» [30. Л. 12]. Селиверстов возражал, что это поклеп. На самом деле это якобы Колмык говорил ему, Никитке, об этом как «самовидец»: «Как он Ивашко был под Азовым и в то число он Ивашко стоял на карауле у ево Государева шатра, и он де Государь, ходя в одной сорочке, ево, Александра, целует, и, целовав, опочивать с ним ляжет» [30. Л. 12]. С двух пыток Селиверстов стоял на своем, что Ивашко его клевет, так как они, сидя в тюрьме, «бранивались». При допросе свидетелей выяснилось, что Селиверстов был дважды под Азовым. Однако от крамольных слов он по-прежнему отказывался даже с десятой пытки [30. Л. 14–16]. Окончания нет.

Эти подозрения, видимо, были известны и иностранцам. П. Пекарский смутно пишет о том, что в брошюре, изданной Мартином Нейгебауером, бывшим

наставником царевича Алексея, в 1705 г. в Германии «едва ли не в первый раз печатно рассказано о начальной причине особенного благоволения в юности Петра к Меншикову; при этом сделана ссылка на какого-то F. v. G., говорившего об этом Меншикову в глаза» [31. С. 88]. (Здесь надо иметь в виду полемический характер текста: лишенный своего выгодного места, Нейгебауер опубликовал несколько «пасквилей», разоблачением которых по специальному заданию занимался барон Гюйссен.)

Безусловно, все эти высказывания не являются достоверными сведениями. А.Д. Меншиков вообще воспринимался как фигура весьма одиозная. К тому же, как упоминалось, он и Пётр, видимо, в молодые годы действительно вели весьма свободный образ жизни. Все это вместе плюс сам факт головокружительной карьеры вчерашнего пирожника и наводили, видимо, на мысль о существовавшей между ними интимной связи. (Однозначно поверить в достоверность слов современников сложно, ведь тогда нам пришлось бы всерьез рассматривать и версию о «корнях», с помощью которых Екатерина при пособничестве того же Меншикова якобы привязала к себе царя.) С.В. Ефимов считает, что поводом для слухов о бисексуальности Петра стала его привычка, описанная, в частности, Нартовым как очевидцем. Если известный припадок, от которого с детства страдал Пётр, начинался ночью, он клал с собой денщика Мурзина и засыпал, держась за его плечи, как он сам видел [27. С. 154].

Однако полностью сбрасывать со щитов эти подозрения также нельзя. К. Хорни считает гомосексуализм одним из наиболее характерных свидетельств невротической потребности в любви, демонстрирующим полную неразборчивость и неумность в выборе партнеров [5. С. 121] (вспомним слова Вильбуа о царских «приступах любовной ярости»). Более того, одной из характерных черт гендерного кода российского традиционного общества, если верить сообщениям современников, являлась значительная распространенность гомосексуализма.

Такие сообщения относятся еще к XVI в. Хорошо известно пристрастие к «содомскому греху» Ивана Грозного, в чем его неоднократно укоряли современники Максим Грек и Сильвестр. Сильвестр в своем послании к царю конца 40-х гг. XVI в., посвященном именно этой проблеме, призывает его: «Аще сотвориши се – искорениши злое се беззаконие прелюбодеяние, содомский грех и любовник отлучиши, без труда спасешися» [32. С. 18; 25. С. 163].

Есть свидетельства о сохранении этой наклонности среди верхов российского общества и в петровское время. Так, иезуит отец Франциск Эмилиан в своем донесении в 1699 г. пишет: «Бояре, возвратившиеся из наших стран, привезли сюда с собою много иностранцев, из числа которых самый большой труд задали нам молодые люди нашей веры, потому что их растлевали. Эти вопиющие к небу грехи здесь весьма обычны, и не дальше как четыре месяца тому назад какой-то боярин за столом, в обществе хвалился, что растлил только 80 молодых людей» [33. С. 42]. Как отмечает И.Ю. Николаева, «именно потому фактически во всех свидетельствах иностранцев обращается внимание на “не-

приличные” увлечения москвитов, что в русском обществе это явление не было репрессировано в той мере, в какой это произошло в Западной Европе, где сложился более благоприятный социально-психологический климат для соответствующих культурно-психологических мутаций» [25. С. 221].

И тем не менее европейский материал дает поводы для сравнения. Существуют подозрения в гомосексуализме Карла XII. В частности, на эту мысль исследователей наводит восхищение Карла красотой сына крымского хана Девлет-Гирея (он красивей всех женщин Швеции и Турции) [34. С. 395], хотя больше всего подогревало страсти отсутствие в жизни короля-викинга женщин. (Кстати, современник, наблюдавший Карла в последние годы жизни, рассказывает, что любимец Карла генерал-майор Дельвиг ложился спать рядом с ним – прямая параллель с Петром [34. С. 473].) Однако другие историки отвергают эту версию, так как для нее нет достаточных доказательств (впрочем, как и в случае Петра). Вильгельм III также подозревался в гомосексуальной связи с графом Албемарлом всего лишь потому, что мало интересовался женщинами [2. С. 316].

Сексуальная распушенность и неразборчивость (включая групповые оргии и кровосмешение) являлись одной из характерных черт европейской придворной жизни (и в первую очередь французской) в эпоху Возрождения и раннего Нового времени [35]. Однако в том-то и дело, что уже в XVII в., и в том числе в правление любвеобильного Людовика XIV, делаются шаги в сторону обуздания крайностей. Придворная разнузданность именно в Новое время все больше ограничивается определенными рамками «приличия» (как ни странно в данном случае звучит это слово). Как пишет Г. Шоссинан-Ногаре, «прогресс в смягчении нравов, большие усилия по утверждению католичества, влияние эволюции общества и салонов Просвещения – таких, как салон Рамбуйе, – все это в комплексе обуздывало характеры, служило сдержанности речей и привычек, лишало любовь ее наиболее грубых тривиальностей. Невозможно представить себе Людовика XIV, заслушивающего фаворитку при всем Государственном Совете, как случалось на три четверти века раньше, при его предке весельчаке-бearnце Генрихе IV» [11. С. 26–27].

Процессы, происходившие в России, были сложнее. Здесь также можно увидеть уверенную поступь цивилизации в гендерной сфере. Однако в том-то и дело, что в Западной Европе речь шла об обуздании ситуации после максимально возможного раскрепощения (причем этот процесс займет все XVIII и даже часть XIX столетий), тогда как в среде российской элиты одновременно происходило и раскрепощение (весьма значительное по сравнению с предыдущей эпохой), и то самое оцивизовывание. Безусловно, большую роль в этих процессах сыграла нестандартная личность царя-реформатора, склонного к экспериментам. Недаром М.М. Щербатов именно с петровской эпохи отсчитывает начало «порчи нравов» в России: «нравы, за недостатком другого просвещения исправляемые верою, потеряв сию подпору, в разврат стали приходить, ибо пример сей нарушения таинства супружества, ненарушимого в своем существе, показал, что без наказания можно его нарушать» [36. С. 66–67]. Однако делая выводы, следует быть осторожными: речь шла (и в дальнейших рассуждений князя-историка это отчетливо видно) прежде всего об изменении нравов элиты (да и здесь не все было так уж «целомудренно» в допетровское время). Сложность оценки гендерного образа Петра (как и иных его политической личности) состоит в том, что он сконструировал (частью неосознанно, а частью совершенно сознательно) комбинированную идентичность, включавшую, при творческой переработке, элементы как европейской придворной, так и русской простонародной традиции, которые, конечно, шли вразрез с привычным обликом православного государя. При этом и те, и другие элементы прочитывались и понимались современниками, европейцами и русскими. Отсюда – при некоторой степени недоумения столь слабый голос осуждения «причуд» царя-реформатора. Подданные весьма редко обращали внимание на «отклонения» своего монарха в личной жизни либо даже пытались найти оправдывающие его объяснения этих «отклонений», что вполне вписывается в общую авторитарную структуру российского общества того времени. К тому же нельзя сбрасывать со счетов переходный характер времени, предполагавший расшатывание традиционных устоев в целом и открытие новых, расширительных возможностей выбора моделей поведения (и не только элитой).

ЛИТЕРАТУРА

1. Блюш Ф. Людовик XIV / пер. с фр. Л.Д. Тарасенковой, О.Д. Тарасенкова; науч. ред. В.Н. Малов. М.: Ладомир, 1998.
2. Масси Р.К. Петр Великий: в 3 т. / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой; общ. ред. Н.Ф. Роговской. Смоленск: Русич, 1996. Т. 1
3. Богданов А.П. Царь Федор Алексеевич. 1676–1682. М.: Российское университетское изд-во, 1994.
4. Пушкирева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997.
5. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / пер. с англ. Г.В. Бурменской. М.: Прогресс, 2000.
6. Матвеев В.Ю. К истории возникновения и развития сюжета «Петр I, высекающий статую России» // Культура и искусство России XVIII в. Новые материалы и исследования: сб. статей / под ред. Б.В. Сапунова. Л.: Искусство, 1981. С. 26–43.
7. Мухин О.Н. Петр I – царь-харизматик: изменение сакрального образа правителя в России раннего Нового времени // Политическая культура в истории Германии и России. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. С. 373–385.
8. Вильбуа. Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 192–206.
9. Рассказы Нартова о Петре Великом // Пётр Великий: Предания. Легенды. Сказки. Песни / сост. и подгот. текста, вступ. статья и прим. Б.Н. Путилова. СПб.: ИД «Азбука-классика», 2008. С. 101–124.
10. Масси Р.К. Петр Великий: в 3 т. / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой; общ. ред. Н.Ф. Роговской. Смоленск: Русич, 1996. Т. 2.
11. Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей / пер. с фр. С.В. Архиповой; предисл. и науч. ред. А.П. Левандовского. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2003.
12. Мальковская Т.Н. Семья и власть в России XVII–XVIII столетий. М.: ЧеРо, 2005.

13. *Ольшневская Л.А., Травников С.Н.* «Умнейшая голова в России...» // Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699. М. : Наука, 1992. С. 251–291.
14. РГАДА. Ф. 371. Преображенский и Семеновский приказы. Оп. 2. Ст. 1049.
15. РГАДА. Ф. 371. Преображенский и Семеновский приказы. Оп. 2. Д. 1019.
16. *Богословский М.М.* Петр Великий: материалы для биографии. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 – 9 марта 1697 / отв. ред. С.О. Шмидт; подгот. текста А.В. Мельникова. М. : Наука, 2005.
17. *Бушкович П.* Петр Великий: борьба за власть, 1761–1725 / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой; под ред. Д.М. Буланина. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008.
18. *Дипломатические материалы* сборного содержания, относящиеся к царствованию Петра Великого // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1881. Т. 34. С. 1–78.
19. РГАДА. Ф. 371. Преображенский и Семеновский приказы. Оп. 2. Ст. 1172.
20. РГАДА. Ф. 371. Преображенский и Семеновский приказы. Оп. 2. Ст. 1170.
21. *Кайзерлинг Г.-И. фон.* Дешети посла об оскорблении его царем и кн. Меншиковым 1707 г. Извлечены из секретного императорско-королевского архива в Берлине // Русская старина. СПб. : Печатня В.И. Головина, 1872. Т. 5. С. 803–844.
22. РГАДА. Ф. 371. Преображенский и Семеновский приказы. Оп. 2. Ст. 1024.
23. РГАДА. Ф. 371. Преображенский и Семеновский приказы. Оп. 2. Ст. 895
24. *Фрэнгер Дж.Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. М. : АСТ, 1998.
25. *Николаева И.Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005.
26. *Анисимов Е.В.* Петр Великий // Царь Пётр и король Карл. М. : Текст, 1999. С. 9–33.
27. *Ефимов С.В.* Болезни и смерть Петра Великого // Ориненбаумские чтения. СПб., 2001. Вып. 1. С. 151–167.
28. *Дипломатические документы*, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Сообщено из дел Саксонского Государственного Архива в Дрездене профессором Марбургского университета Э. Германом // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1868. Т. 3. С. 317–531.
29. РГАДА. Ф. 6. Уголовные дела по государственным преступлениям и событиям особенной важности. Оп. 1. Д. 10.
30. РГАДА. Ф. 371. Преображенский и Семеновский приказы. Ст. 734.
31. *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом : в 2 т. Т. 1 : Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб. : Издание Товарищества «Общественная польза», 1862.
32. *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М. : Молодая гвардия, 2003. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 873).
33. *Письма и донесения иезуитов о России* конца XVII и начала XVIII века. СПб. : Сенатская типография, 1904.
34. *Григорьев Б.Н.* Карл XII, или пять пуль для короля. М. : Молодая гвардия, 2006. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 998).
35. *Фукс Э.* Egotica. Галантный век: Пиршество страсти / пер. с нем. К.А. Свасьяна. М. : Диадема-Пресс, 2001. (Сер. «Антология мысли»).
36. *Щербатов М.М.* Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого // Петр Великий: Pro et contra. СПб. : РХГИ, 2001.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 июня 2011 г.